

## НИКТО НЕ ЗАСТРАХОВАН ОТ ОШИБОК

14 сентября 2009 г. коллегией судей Европейского Суда по правам человека<sup>1</sup> было отклонено ходатайство властей Российской Федерации о передаче дела «Кудешкина против России»<sup>2</sup> на рассмотрение Большой Палаты Суда.

Вместе с тем постановление Палаты Суда от 26 февраля 2009 г. по данному делу вызывает ряд серьезных вопросов, которые не были разрешены, а может быть, и не решены ни Палатой, ни коллегией судей, рассмотревшей ходатайство о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты Суда.

Публикуя перевод данного постановления, мы не могли не предоставить возможность другим специалистам высказать свою точку зрения, которая противоположна позиции Суда. В связи с этим мы ниже публикуем заметки по состоявшемуся постановлению Европейского Суда.

Хотелось бы обратить внимание на то, что позиция этих авторов имеет под собой четкую правовую аргументацию, и можно только сожалеть, исходя из текста постановления, что эти доводы не были предметом рассмотрения Европейского Суда.

Впрочем, судить Вам, уважаемый читатель...

Виталий Портнов

В своём постановлении от 26 февраля 2009 г. Палата Первой Секции Европейского Суда пришла к выводу — четырьмя голосами против трех — о том, что по вышеуказанному делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции<sup>3</sup>.

Подчеркнём при этом, что к постановлению было приложено два особых мнения трех судей, оказавшихся в меньшинстве.

Заметим, что фактический и юридический контекст данного дела таков, что оно поднимает одновременно «серьёзный вопрос, касающийся толкования или применения» статьи 10 Конвенции (см. ниже), а также «серьёзный вопрос общего характера» по смыслу положений пункта 2 статьи 43 Конвенции (см. ниже).

При оценке постановления, к сожалению, не были учтены следующие обстоятельства.

За исключением одного решения, которое было вынесено Комиссией по правам человека в 1997 году (см. ниже), пред-

### ЗАМЕТКИ В СВЯЗИ С ПОСТАНОВЛЕНИЕМ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПО ДЕЛУ

### «КУДЕШКИНА ПРОТИВ РОССИИ»

ставляется, что не было других конкретных прецедентов, связанных с увольнением судьи по результатам дисциплинарного производства, осуществлённого в соответствии с законом в органах, предусмотренных на этот счёт. Это объясняет новый характер этого вопроса, который ещё не был окончательно решён Большой Палатой Европейского Суда.

Что касается фактов по данному делу, то ход событий явно показывает, что заявления, которые ставятся в вину заявительницы, были сделаны ею во время кампании, которую она проводила на вы-

борах, на которых она была кандидатом. При этом можно отметить нарастающую интенсивность инициатив данного лица с момента, когда она получила разрешение компетентного органа принять участие в качестве кандидата на выборах, запланированных на 7 декабря 2003 г.

Судите сами: 29 октября 2003 г. — решение Совета судей города Москвы (приостанавливающее полномочия заявительницы на период избирательной кампании); 1 декабря 2003 г. — интервью радиостанции; 4 декабря

<sup>1</sup> Далее — Европейский Суд или Суд.

<sup>2</sup> По делу «Кудешкина против России» (см. текст постановления по делу на с. 29 журнала) заявительница в своей жалобе в Европейский Суд по правам человека утверждала, что прекращение её полномочий как судьи (в последние годы она работала в Московском городском суде), последовавшее в качестве дисциплинарного взыскания после критических заявлений, сделанных ею в средствах массовой информации, нарушило её право на свободу выражения мнения, гарантированное статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция). Палата Первой Секции Европейского Суда, рассмотрев обстоятельства дела и отклонив возражения государства-ответчика по поводу того, что заявительница публично выступала с заведомо ложными, надуманными и оскорбительными измышлениями в адрес судей и судебной системы Российской Федерации, нарушив тем самым этические нормы поведения судьи, постановила — четырьмя голосами «за» и тремя голосами «против» — что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции. С особыми мнениями по делу выступили судьи Ковлер, Штайнер и Николау (см. с. 46 и 48 журнала).

<sup>3</sup> Статья 10 Конвенции гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ <...>».

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

2003 г. — публикация в один день двух интервью в двух газетах. Следует отметить, что содержание этих интервью связано не только с проблемами отправления правосудия в России в целом и в городе Москве в частности, но также и более конкретно с уголовным делом, от ведения которого она была освобождена с 23 июля этого же года, так как до этого, 22 июля, заявительницей было подано прошение об очередном отпуске, а с 4 июля по 22 июля включительно она в связи с роспуском состава суда не предприняла никаких действий для формирования нового состава суда.

Кроме того, за этот короткий период, в самый разгар избирательной кампании, заявительница обратилась 2 декабря 2003 г. в Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации с заявлением в отношении руководства суда, виновного, по её мнению, в серьёзных нарушениях профессиональной этики судей, причём таких нарушениях, которые могут подорвать авторитет судебной власти. Как известно, это заявление в дальнейшем, 14 мая 2004 г., было оставлено без удовлетворения. Вместе с тем заявительница имела право и должна была бы в тот период, когда она занималась уголовным делом по 22 июля 2003 г. включительно (но не в период избирательной кампании), обратиться в соответствующее ведомство с жалобой на якобы оказывавшееся на неё давление в ходе рассмотрения уголовного дела. Ею это сделано не было, и потому можно считать, что она не прибегла к одному из вполне доступных внутригосударственных средств правовой защиты.

Палата Европейского Суда этому обстоятельству не дала оценки. В данном случае было неисчерпание средств правовой защиты (статья 35 Конвенции), что вполне позволяло Суду признать жалобу неприемлемой, как это было по другому делу в этой же Палате.

#### Толкование статьи 10 Конвенции

В этой связи заслуживают внимания два аспекта. Первый касается содержания свободы выражения мнения; второй относится к роли гаранта, которую играет судебная власть в правовом государстве.

В отношении первого аспекта Европейский Суд неоднократно подчеркивал ту важную роль, которую играет свобода выражения мнения в самом содержании Конвенции и в рамках соблюдения и развития прав человека и основных свобод — начиная с постановления Европейского Суда от 7 декабря 1976 г. по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства» [*Handyside v. the United Kingdom*] и до самых недавних постановлений.

При этом важно отметить следующее. Свобода выражения мнения, впрочем, как и другие права и свободы, не является абсолютной, поскольку она может войти в противоречие со столь же законными требованиями со стороны общества. Поэтому ценности, утверждаемые Конвенцией, могут порой ограничиваться требованиями, которые, например, перечислены в пункте 2 статьи 10 Конвенции; они могут на законном основании ограничивать эту свободу, оговаривая, что будут соблюдаться те условия, которые предусмотрены в Конвенции, таким образом, как они отражены в прецедентной практике Европейского Суда. Как ранее заявлял Суд, «необходимость» любого ограничения свободы выражения мнения, учитывая то место, которое занимает эта свобода в демократическом обществе, «должна быть установлена убедительно» (постановление Европейского Суда от 29

августа 1997 г. по делу «Ворм против Австрии» [*Worm v. Austria*], § 47). Для того чтобы выяснить, отвечают ли подобные ограничения критерию необходимости, прецедентная практика выработала три принципа: такое ограничение должно соответствовать «насущным общественным потребностям»; оно должно быть соразмерно преследуемой законной цели; мотивы, представленные национальными органами власти в обоснование этого ограничения, должны быть соответствующими и достаточными. При этом — и данный аспект имеет основополагающее значение в рамках данного дела — оценка со стороны Суда, с учетом этих принципов, должна вписываться, разумеется, в контекст субсидиарности. Поэтому Суд не ставит перед собой задачу «подменять национальные органы правосудия, а призван проверять, с учетом статьи 10 Конвенции и в свете всего дела, те решения, которые были вынесены этими органами с учетом их свободы усмотрения» (постановление Большой Палаты Европейского Суда от 29 сентября 1999 г. по делу «Далбан против Румынии» [*Dalban v. Romania*], § 47).

Особое значение эти принципы, которые здесь изложены, приобретают в отношении второго аспекта данного вопроса. Этот аспект касается того значения, которое Европейский Суд придает в своей прецедентной практике вопросу об авторитете и беспристрастности судебной власти. Достаточно отметить здесь следующее.

Прежде всего, выражение «авторитет судебной власти» отражает, в частности, идею о том, что «суды представляют собой <...> соответствующие органы для оценки юридических прав и обязательств и для вынесения решений по связанным с ними юридическим спорам» (постановление Европейского Суда от 26 апреля 1979 г. по делу «Газета «Санди Таймс» против Соединенного Королевства (№ 1)» [*The Sunday Times v. the United Kingdom (No. 1)*], § 55). Помимо этого, даже в отношении свободы прессы, которая представляет собой ту ценность, которую необходимо защищать, следует «учитывать особую миссию судебной власти в обществе» (постановление Европейского Суда от 26 апреля 1995 г. по делу «Прагер и Обершлик против Австрии» [*Prager and Oberschlik v. Austria*], § 34). Действительно, «поскольку она является гарантом правосудия — основополагающей ценности в правовом государстве — её деятельность для того, чтобы осуществляться эффективно, должна пользоваться доверием со стороны граждан» (вышеизложенное постановление), из чего следует, что может «оказаться необходимым защищать судебную власть от разрушительных нападков, лишенных серьезного основания» (вышеизложенное постановление). Помимо этого, «если выносить на всеобщее обсуждение вопросы, являющиеся предметом спора, таким образом, чтобы общественность заранее выносила свои собственные суждения в этой связи, то общественность может потерять уважение к судам и утратить свое доверие к ним» (цитированное выше постановление Европейского Суда по делу «Газета «Санди Таймс» против Соединенного Королевства (№ 1)», § 63.) При этом Европейский Суд добавил, что если общество приучить «к спектаклю псевдопроцессов в СМИ, в долгосрочном плане это может привести к разрушительным последствиям в смысле восприятия обществом судов как надлежащих органов для разрешения юридических споров» (вышеизложенное постановление). Особо важно подчеркнуть, что даже в отношении таких нападков, при том, что они оказываются необоснованными, «обязанность проявлять сдержанность запрещает судьям, которых это затрагивает, реагировать» (постановление Европейского Суда по делу «Прагер и Обершлик», см. выше,

§ 34; постановление Европейского Суда от 24 февраля 1997 г. по делу «Де Хаэс и Гийселс против Бельгии» [*De Haes and Gijssels v. Belgium*], § 37).

Не вызывает никаких сомнений то, что в этом последнем утверждении Европейский Суд сделал особый упор на важность обязанности проявлять сдержанность и осмотрительность, которая в конечном счете возлагается на судью, учитывая не только особую, но и важнейшую миссию судебной власти в демократическом обществе.

#### Применение принципов по данному делу

В своем постановлении от 26 февраля 2009 г. в обоснование того вывода, к которому пришла Палата Европейского Суда, она в основном сосредоточилась на трех аспектах.

Прежде всего, она рассмотрела содержание заявлений, сделанных в прессе заявительницей. Затем Палата проанализировала эти заявления в отношении предмета политических выступлений заявительницы. Наконец, Палата дала оценку характеру санкций, наложенных на заявительницу, для рассмотрения вопроса о надлежащем равновесии между правами и обязанностями.

Похоже, что в ходе этого Палата скорее смешала понятия, отказавшись, как представляется, от ясности и транспарентности, вместо того, чтобы изложить последовательные аргументы с учетом серьезности тех высказываний, которые были допущены заявительницей.

Что касается содержания рассматриваемых заявлений, то можно лишь удивиться тому весу, который им придает Палата. Как представляется, высказывания, допущенные в адрес правосудия в России в целом и в отношении конкретного судебного органа в частности, связаны больше с крайней обидой заявительницы в связи с её якобы спором с руководством суда, где она была судьёй, и у кого она, естественно, находилась в подчинении, чем со взвешенным суждением, которого вправе ожидать со стороны судьи, роль которого заключается в отправлении правосудия спокойно, сдержанно и взвешенно.

Если внимательно посмотреть на аргументацию Палаты, то вызывает удивление, как мало в этом постановлении уделяется внимания серьезности слов, произнесенных заявительницей в отношении текущих действий по уголовному делу, которые она осуществляла. На самом деле, это — чрезвычайно серьезные заявления. Там не только говорится о сдержанных отношениях с руководством суда, но и о предполагаемых фактах давления, которое якобы оказывалось на заявительницу со стороны руководства суда, отстранившего её от производства по уголовному делу «без объяснения причин» (интервью радиостанции). Но есть и ещё более серьезный аспект. В своих интервью двум газетам заявительница выступила с обвинениями, причём самыми резкими, в отношении должностных лиц, осуществляющих судебные функции, которые якобы виновны в том, что они занимались «грубо заказными делами», и даже были замешаны в «коррупции»<sup>1</sup>, и которые осуществляли на неё давление<sup>2</sup>. Всё это усугубляется утверждением, которое желательно рассмотреть особо и подвергнуть осуждению, поскольку такая позиция судьи является неприемлемой. По словам заявительницы, она узнала, что по уголовно-

му делу, которое она рассматривала, был общий интерес (см. краткое изложение интервью по радио, приведенное в пункте 19 постановления Палаты Суда).

Что ещё более удивительно и неприемлемо, это то, что Палата (пункт 91 постановления Палаты Суда) оценила эти высказывания, как «утверждения о фактах», неотделимые от того контекста, в котором они были произнесены. Исходя из этой посылки, в постановлении Палаты Суда рассматривается обоснованность этих заявлений и отвергается, исходя из общих рассуждений, законная сила оценок Совета судей города Москвы, Квалификационной коллегии судей города Москвы, Московского городского суда и Верховного Суда Российской Федерации, а также Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации (с выводами которой согласился Председатель Верховного Суда Российской Федерации). Таким образом, вышеуказанные авторитетные органы якобы не проверили, не было ли совершено каких-либо нарушений в отношении заявительницы при отстранении её от данного дела. Короче говоря, предполагаемое обстоятельство, что эти все высокие органы судейского сообщества и правосудия якобы не рассмотрели, на основании утверждений, впрочем ничем не обоснованных, предполагаемые причины отстранения заявительницы от дела, привело к тому, что данные причины вызвали доверие со стороны Палаты Суда. Тогда как Палата отказала в доверии шести указанным органам российской судебной власти. Для того чтобы прийти к такому выводу, Палата, как представляется, в определённом смысле перенесла бремя доказывания, заявив, что «утверждения заявительницы об оказывавшемся на неё давлении не были убедительным образом опровергнуты в ходе производства по делу в национальных инстанциях» (постановление Палаты Суда, пункт 92, с. 28).

На самом деле было бы чрезвычайно важно, чтобы Большая Палата Европейского Суда всё-таки рано или поздно высказала бы свою позицию в отношении такого подхода для того чтобы уточнить сферу действия и ограничения наднационального контроля, который должен, разумеется до определённой степени, уважать автономию судебных постановлений национальных судов. Дело обстояло бы иначе, если можно было бы чётко установить, но этого не было сделано по данному делу, что эти органы правосудия вышли за рамки разумного толкования, и даже произвольно, норм национально-го законодательства.

Для того чтобы установить должное равновесие между словами, серьезность которых совершенно очевидна, и политическими заявлениями — что должно, разумеется, привлечь большое внимание Европейского Суда — можно лишь вновь подчеркнуть, что и в этом случае Палата, как представляется, без явного обоснования, не установила равновесие между чисто личным интересом и важнейшей необходимостью защищать интересы общества, сохраняя, прежде всего, авторитет судебной власти в европейских обществах. Удивляет утверждение о том, что к высказываниям заявительницы «нельзя относиться, как к непоправимым личным нападениям, а должно относиться, как к добросовестным комментариям по вопросу высокой общественной значимости» (постановление Палаты Суда, пункт 95, с. 29).

Трудно усмотреть, на каком основании эти высказывания, на самом деле являющиеся обвинениями, и обра-

<sup>1</sup> «<...> и представить себе нельзя таких грубо заказных дел или таких разговоров о коррупции» (§ 21, с. 5 постановления).

<sup>2</sup> «Давление было со стороны государственного обвинителя» (§ 21, с. 6 постановления).

щенные без каких-либо оснований в адрес судьи и прокурора, могут рассматриваться «добросовестными» и должны восприниматься с ничем не оправданной толерантностью.

Может создаться впечатление, что заявляя это, Палата с определённым доверием относится к таким утверждениям, которые не хотелось бы слышать со стороны членов национальных судебных органов.

Что касается дисциплинарной санкции, применённой к заявительнице, то Палата считает, что заявительнице не были предоставлены достаточные процессуальные гарантии, учитывая серьёзность этой санкции (постановление Палаты Суда, пункты 97–99, с. 29–30). Иными словами, исходя из того, что заявительница своими заявлениями способствовала разъяснению общественности вопроса, представляющего общий интерес, то санкция была несоразмерна в том смысле, что её можно воспринять как имеющую «замораживающий эффект»<sup>1</sup> в отношении всех тех, кто хотел бы участвовать в общественных обсуждениях. При этом постановление Палаты Суда исходит по-прежнему из игнорирования подлинного характера слов заявительницы, которые не должны пользоваться какой-либо защитой статьи 10 Конвенции.

И в этом случае можно лишь отметить, что постановление Палаты Суда основано на аксиоме, которая требует разъяснения.

Подводя итог, вопросы, поднятые постановлением Палаты Суда, являлись серьёзными как в отношении толкования статьи 10 Конвенции, так и в отношении применения принципов к настоящему делу.

В данном случае вопрос не идёт о свободном обсуждении идей. Речь не идёт и о защите свободы прессы. Доказательством этого является то, что ни радиостанция, ни газеты, связанные с заявлениями, рассматриваемыми по этому делу, не столкнулись с какими-либо препятствиями. Суть проблемы состоит в том, может ли судья, осуществляющий судебные функции, выступать с серьёзными обвинениями в отношении вышестоящих лиц, а также делать неуважительные и необоснованные заявления в отношении государственных органов власти, причём без каких-либо ограничений, пусть даже заинтересованное лицо и желает, как это предусмотрено, впрочем, во многих государствах — участниках Конвенции, стать кандидатом на выборный пост. И это делается под предлогом того, что вопросы, связанные с функционированием правосудия, интересуют общественное мнение — что, впрочем, самоочевидно.

К этому добавляется тема — «обязанность проявлять сдержанность» — которая возлагается на государственных служащих, но при этом она должна особо строго соблюдаться в отношении членов судебных органов, которые не должны пересекать «красную линию» конфиденциальности и тайны совещаний судей по делу<sup>2</sup>.

Прецедентная практика на основании постановления Большой Палаты Европейского Суда от 28 октября 1999 г. по делу «Вилле против Лихтенштейна» [*Wille v. Liechtenstein*] не может оказать здесь большой помощи, поскольку эта прецедентная практика касается не слов,

которые прозвучали в рамках определённого дела при рассмотрении в судебной инстанции, а заявлений научного характера, связанных с возможным решением вопроса, по большей части теоретического, относящегося к толкованию Конституции.

С другой стороны, как уже отмечалось, Комиссия по правам человека рассмотрела жалобу в отношении Австрии<sup>3</sup>, связанную с дисциплинарным наказанием судьи за слова, сказанные журналисту во время конфиденциального разговора, по итогам громкого процесса, в котором судья председательствовал при рассмотрении дела судом присяжных. Заявителю было предъявлено обвинение в том, что он сделал заявления, в которых судебный корпус в целом и один судья в частности обвинялись в подверженности коррупции. Полагая, что эти заявления имели такой характер, который подрывает доверие общественности, а судебный корпус нуждается в этом доверии для осуществления своих задач, австрийский судебный орган, полномочный в области дисциплинарных взысканий, наложил на заявителя санкцию в виде «выговора».

Отклонив жалобу, как явно необоснованную, Комиссия по правам человека высказала мнение, что данный акт вмешательства государства в осуществление заявителем своих прав был соразмерным и необходимым в демократическом обществе по смыслу положений статьи 10 Конвенции.

Разумеется, следует сказать, что в данном случае санкция не была столь серьёзной по своему характеру, как та, которая касается заявительницы. Необходимо при этом отметить, что высказывания, ставшие предметом разбирательства по делу против Австрии, не имели прямой связи с каким-либо конкретным рассматриваемым делом и, что особенно важно, не касались аспектов, связанных с ходом судебного разбирательства, на которые распространяется принцип тайного характера совещаний судей по делу.

### Серьёзный вопрос общего характера

Сам факт рассмотрения данного дела Большой Палатой Европейского Суда тем более был бы оправдан, что в нём поднимался вопрос общего характера, который затрагивает все государства — члены Совета Европы. Здесь уместно сослаться, в частности, на Заключение № 3 (2002) Консультативного совета европейских судей (далее — КСЕС), обращенное к Комитету министров Совета Европы «О принципах и правилах, регулирующих профессиональные обязанности, применимых к судьям, и, в частности, о профессиональной этике, о несовместимом поведении и беспристрастности» (документ ССЖЕ (2002) Op. No. 3).

В вышеуказанном Заключении КСЕС рассматривает как вопрос внесудебного поведения судьи при осуществлении им своих судебных функций, так и те отношения, которые он может поддерживать со средствами массовой информации.

Что касается участия судей в политической деятельности, то в Заключении говорится следующее:

«30. Участие судей в политической деятельности порождает ряд важных проблем. Разумеется, судья оста-

<sup>1</sup> Chilling effect (англ.) — замораживающий, охлаждающий, сковывающий эффект; этим выражением пользуется Европейский Суд для обозначения того воздействия, которое жёсткие правовые нормы и правоприменительная практика в той или иной сфере могут оказывать на реализацию гражданами своих, номинально гарантированных прав и свобод. Чаще всего это выражение применяется в отношении свободы слова и печати.

<sup>2</sup> Следует ли напоминать о том, что правило 3 Регламента Европейского Суда подтверждает важность тайны совещаний судей по делу?

<sup>3</sup> Решение Комиссии по правам человека по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 26601/95, поданной Ляйнинген-Вестербургом [*Leiningen-Westerburg*] против Австрии, Сборник решений и докладов Комиссии по правам человека [*D.R.*] 88-В, с. 85 и далее.

ется гражданином, за которым должно быть признано осуществление политических прав, предоставляемых другим гражданам страны. Но с точки зрения справедливого судебного разбирательства и законных ожиданий тех, кто обращается к правосудию, судья должен продемонстрировать сдержанность при осуществлении публичной политической деятельности. Некоторые государства включили это требование в свои дисциплинарные правила и предусматривают наказание за те виды поведения, которые нарушают обязательства «сдержанности» со стороны судей. Государства предусмотрели также случаи очевидной несовместимости между функциями судебных работников и некоторыми политическими мандатами (мандат в парламенте, в Европейском парламенте или местный политический мандат), причём в некоторых случаях это распространяется даже на супругов судей.

31. В более широком плане следует проанализировать участие судей в общественных обсуждениях политического характера: для того, чтобы общественность сохраняла доверие к системе правосудия, желательно, чтобы судьи не подвергались политическим нападениям, несовместимым с необходимой нейтральностью занимаемой должности в системе правосудия».

Что касается отношений судей со СМИ, то в Заключении сказано следующее:

«40. Можно наблюдать общую тенденцию ко всё большему освещению в СМИ деятельности судов, особенно в сфере уголовного правосудия, в частности в некоторых странах Западной Европы. Учитывая связи, которые могут установиться между судьями и СМИ, существует риск того, что судья будет в своей деятельности находиться под влиянием журналистов. КСЕС в этой связи напоминает, что в своем Заключении № 1 (2001) он констатировал, что хотя свобода прессы является важнейшим принципом, следует также защищать процесс правосудия от любого ненадлежащего внешнего влияния. Исходя из этого важно, чтобы судья проявлял сдержанность в своих отношениях с прессой, чтобы он мог сохранять свои независимость и беспристрастность, воздерживаясь

от какого-либо личного использования своих возможных отношений с журналистами, и от неоправданных комментариев по тем делам, которые он ведет. При этом право общества на информацию является основополагающим принципом, вытекающим из статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека. Этот принцип подразумевает, что судья призван отвечать на законные ожидания граждан, вынося чётко аргументированные решения. Судья должен также обладать свободой для подготовки обзора или сообщения, в котором разъясняется существо или уточняется значение его решений для общественности. Помимо этого, в тех странах, в которых судья участвует в проведении уголовных расследований или в контроле над ними, следует сочетать ту сдержанность, которую судья должен проявлять по тем делам, которые ему поручены, с правом на информацию. Именно при этих условиях судья может свободно осуществлять свои задачи, не опасаясь давления, которое может быть оказано со стороны СМИ. КСЕС с интересом отметил практику, действующую в некоторых странах, которая состоит в том, чтобы поручать судье, ответственному за коммуникации, или представителю по связям с общественностью при суде осуществлять контакты с прессой по тем темам, которые интересуют общественность».

Сравнительное и углубленное исследование основных проблем, связанных со всеми аспектами, выделенными в вышеуказанном Заключении, оказало бы большую помощь Палате Суда, благодаря детальному рассмотрению вопроса, который чрезвычайно важен для взвешенного определения положения судьи в обществе.

Вызывает сожаление, что всё это не было учтено при рассмотрении дела Палатой Европейского Суда, а мотивы, которые послужили отказом для пересмотра дела в Большой Палате Европейского Суда, нам не известны. Таков Регламент Европейского Суда.

Представляется, что Большая Палата Европейского Суда рано или поздно ответит на поставленные вопросы, но уже, к сожалению, по другому делу.

**А. Лисицин, Б. Михайло**